

Памяти

Роба Хайасена

Джеральда Фишмана

Джона МакНамары

Ребекки Смит

Венди Уинтерс

ЧАСТЬ I

Я видела тебя один раз. Увидела тебя, а ты заметила меня, заметила, что я смотрю. Вверх-вниз, вверх-вниз взглядом. Красивым женщинам это свойственно — посмотреть друг другу в глаза, затем смерить с головы до ног. Я поняла сразу: ты никогда не сомневалась в том, что красива, и сохранила привычку оглядывать комнату, чтобы удостовериться: ты тут самая-самая. Ты окинула глазами толпу на тротуаре, и твой взгляд встретился с моим, всего на мгновение, после чего ты его отвела. Увидела меня и мысленно подсчитала очки. Кто победил? Чутье подсказало мне, что победу ты отдала себе, поскольку увидела перед собой негритянку, и притом бедную. Забавно, что в животном мире дело обстоит наоборот. Там самец устраивает представление ради самки, приманивает ее красивыми перьями или пышной гривой, старается переплюнуть других самцов. Почему же у людей все иначе? Как неразумно. Ведь мужчины нуждаются в нас больше, чем мы в них.

В тот день ты была в меньшинстве, находилась в нашем районе, а там почти любой мужчина выбрал бы меня, более молодую, более рослую и стройную. Возможно, даже твой муж, Милтон. Я обратила внимание на тебя отчасти потому, что ты находилась рядом с ним. Теперь он выглядел

точно так же, как его отец, человек, которого я вспоминала с теплотой. О Милтоне я бы такого не сказала. Видя, как его окружали на ступеньках синагоги, хлопали по спине, брали его руки в свои, я догадалась, что умерший — его отец. И по тому, как люди ждали своей очереди, чтобы сказать слова утешения, я поняла, что Милтон большая шишка.

Хоть я и прожила рядом с синагогой много лет, так и не научилась правильно произносить ее название. По мне, так оно звучит как речь того комика в шоу Эда Салливана¹, который говорит со смешным акцентом.

Синагога в одном квартале от парка. От парка, озера и фонтана. Ну разве это не занятно? В тот день я, вероятно, делала крюк по дороге в Друид-Хилл, неся в сумочке книгу. Не то чтобы мне так уж нравилось бывать на свежем воздухе, но в нашей квартире восемь человек: отец, мать, сестра и двое братьев, мои маленькие сыновья и я, и, как любил выражаться отец, там у меня не бывало ни минуты покоя. Так что я клала в сумку какую-нибудь книгу — роман Джин Плэйди или Виктории Холт², — говорила: «Я в библиотеку», и у мамы язык не поворачивался сказать мне «нет». Она никогда не пеняла, что двое мужчин, с которыми я имела дело, оказались никчемными бездельниками, и в конце концов я вернулась домой ни с чем. Я была ее первым ребенком и ее любимицей. Но все

¹ Американская телепередача, выходившая в эфир в 1949–1971 гг.

² Элевнор Элис Берфорд Хибберт (1906–1993) — английская писательница, писавшая под разными псевдонимами. Под псевдонимом Джин Плэйди она писала исторические романы, а под именем Виктория Холт — готические.

же не настолько, чтобы мне сошла с рук третья ошибка. Мама все время наседала на меня, чтобы я опять пошла учиться и выучилась на медсестру. На медсестру. А я не могла представить себе, что у меня будет работа, требующая прикасаться к людям, когда этого не хочешь.

Если дома все начинало меня слишком уж доставать, если вокруг бывало слишком много тел и слишком много голосов, я шла в парк, гуляла по дорожкам, упивалась тишиной и погружалась во времена старой Англии. Позже люди говорили, что я была ужасным человеком, раз оставляла своих детей на попечение бабушки и дедушки, но на самом деле о них-то я и думала. Мне был нужен мужчина, и притом не абы какой. Такой, который бы нас обеспечил, всех. А для этого стоило какое-то время пожить без детей, даже если это значило поселиться у моей подруги Летишии, как никто умеющей учить женщин добиваться, чтобы мужчина платил за все. По словам моей мамы, кладя сыр в мышеловку, нужно сделать его аппетитным на вид, хотя бы чуть-чуть. Срезать плесень или положить так, чтобы мыши она была не видна. Вот и мне надо было выглядеть хорошо, будто у меня нет никаких проблем, а сделать это, оставаясь в перенаселенной квартире родителей на Очентороли-Террас, было бы невозможно.

Ну, хорошо, хорошо: может, я все-таки могла представить, что у меня будет работа, требующая, чтобы я прикасалась к людям, касаться которых не хочу.

Но какая женщина такого избежала? Надо думать, ты и сама делала это, когда вышла замуж за Милтона Шварца. Потому что к тому Милтону Шварцу, которого я когда-то знала, невозможно испытывать любовь, о коей рассказывается в волшебных сказках.

Это было — могу вспомнить, если подсчитаю, в каком возрасте тогда были мои мальчишки, — поздней осенью 1964 года, когда воздух уже начинал немного холодать. На тебе была черная шляпка-таблетка без вуали. Наверняка люди говорили тогда, что ты похожа на Джеки Кеннеди, и я готова поспорить, что тебе это нравилось, хотя ты и отрицала, смеясь и переспрашивая:

— Кто, я?

Ветер ерошил твои волосы, но только чуть-чуть, поскольку ты покрывала прическу лаком. Черное пальто с мехом на манжетах и воротнике. Поверь, я хорошо помню то пальто. И надо же, Милтон в тот день был так похож на своего отца, и я вдруг поняла, что, когда была ребенком, старший мистер Милтон был довольно-таки молод и довольно-таки красив. Мне, девчонке, покупавшей в его магазине конфеты, он казался стариком. А ведь тогда ему еще не было даже сорока. Теперь же мне было двадцать шесть, а Милтону где-то под сорок, и рядом с ним была ты, и меня напрягало, что он сумел отхватить себе такую красивую женщину. Возможно, теперь он стал приятнее как человек, подумала я. Люди меняются, и еще как. Лично я изменилась. Просто никто никогда этого не узнает.

Что же тогда увидела ты? Не могу вспомнить, что на мне было, но могу предположить. Пальто, слишком тонкое, так что оно толком не грело даже в тот нехолодный день. Вероятно, взятое из церковного ящика для пожертвованной одежды, поэтому ткань покрывали катышки, а подол отвисал. Ботинки тогда я носила потертые, со стоптанными каблуками. А твои были черными и блестящими. Мои ноги были голы, а твои затянуты в чулки, которые чуть ли не мерцали.

Глядя на тебя, я поняла: чтобы подцепить мужчину с деньгами, необходимо выглядеть так, будто деньги мне не нужны. Необходимо найти работу в таком месте, где сдачу дают купюрами, а не кидают мелочью на стол. Но загвоздка в том, что в таких заведениях не берут на работу негритянок, не нанимают в официантки. В тот единственный раз, когда мне довелось работать в ресторане, я трудилась судомойкой в подсобке, отрезанная от источника чаевых. К тому же в самых лучших ресторанах для обслуживания клиентов за столиками вообще не нанимают женщин, даже белых.

Надо было подойти к делу творчески, найдя работу, где можно встретить таких мужчин, которые помогли бы мне приодеться. Тогда бы я стала более желанной для тех, кто действительно играет по-крупному, что позволило бы повысить свою цену и продавать себя все дороже, дороже и дороже. Я знала, что это значит, знала, что мне требуется делать, чтобы получить все это. Я перестала быть девчонкой, об этом свидетельствовало наличие сыновей.

Так что когда ты заметила меня — точно заметила, я уверена, поскольку наши взгляды встретились, — то увидела мою убогую одежду, но увидела также и зеленые глаза, и прямой нос. Увидела то самое лицо, благодаря которому я и получила свое прозвище, хотя позднее я встретила мужчину, сказавшего мне, что я напоминаю ему не царицу, а герцогиню и что при крещении меня следовало бы назвать Хелен, поскольку я так прекрасна, что из-за меня могла бы начаться война¹. И разве она не началась?

¹ Отсылка к Елене Прекрасной из «Илиады» Гомера, из-за которой началась Троянская война.

Не знаю, как еще это можно обозначить. Не такая уж и большая война, но все же такая, когда мужчины нападают друг на друга, союзники становятся врагами. И все из-за меня.

В один миг ты показала мне, где я хочу оказаться и как туда попасть. У меня имелся еще один шанс. Еще один мужчина.

В тот день я и представить себе не могла, что наши пути пересекутся опять, как бы тесен ни был Балтимор. Ты была просто женщиной, которая вышла замуж за вредного подростка, изводившего меня в детстве, и теперь тот гадкий юнец стал красивым мужчиной, хоронящим своего отца. Вот такой муж мне и нужен, подумала я. Нет, конечно, не белый, но такой, который купит мне пальто с мехом на манжетах и воротнике и которого все будут уважать. Женщина хороша лишь настолько, насколько хорош мужчина рядом с ней. Скажи я такое в присутствии отца, он дал бы мне пощечину и заставил бы отыскать и выучить наизусть все библейские стихи, где говорится о суете, тщеславии и гордыне. Но дело вовсе не в тщеславии. Мне был нужен такой мужчина, который помог бы заботиться о моих мальчиках. Обеспеченному мужчине нужна красивая женщина, вот что я поняла в тот день. Ты находилась тогда рядом с Милтоном, чтобы утешить его и помочь ему проводить отца в последний путь, но, кроме того, ты была рекламой его работы и успеха. Поверить не могу, что год спустя ты оставила мужа, но смерть меняет людей.

Видит бог, моя собственная изменила меня.

Когда я была жива, меня звали Клео Шервуд. После смерти же я стала Леди в озере, жутким исковерканным

Леди в озере

трупом, вытасканным из фонтана после того, как он пролежал в воде несколько месяцев — всю холодную зиму, затем весну с ее неустойчивой погодой, — почти до самого лета. У меня не осталось лица и изрядной части тела.

И никому не было до меня дела, пока не явилась ты, не дала мне это дурацкое прозвище и не начала стучаться в двери, докучать людям и лезть туда, где тебе были не рады. Ожидалось, что на меня плюнут все, кроме моей семьи. На цветную, что пошла на свидание не с тем мужчиной, и после ее никто не видел. Но в конце моей истории в дело вступила ты и превратила мой конец в свое начало. Зачем тебе это было нужно, Мэдлин Шварц? Почему ты не могла и дальше жить в красивом доме, состоять во вполне сносном браке, оставив меня на дне фонтана? Там я была надежно укрыта.

И все были в безопасности, пока я была там.

МЭДДИ

ОКТАБРЬ 1965 ГОДА

— **Что?** Ты пригласил на ужин Уоллеса Райта? Как это понимать?

Мэдди Шварц захотелось взять эти свои слова обратно, едва они сорвались с языка. Она никогда не вела себя так, как женщины в телевизионных эстрадных шоу и песнях. Никогда не брюзжала, не пилила, не строила козней, не плела интриг. Ей не требовалось напоминаний, чтобы подправить прическу и макияж, когда муж возвращался домой в конце дня. Мэдди Шварц гордилась своим всегдашним спокойствием, уверенностью в себе. Муж пригласил к ним в гости своего начальника, предупредив лишь в самый последний момент? Явился в компании двух никогда прежде не упоминавшихся кузенов из Толидо или в обществе своего старого друга, с которым он учился в старшей школе? Мэдди всегда была готова их принять, решив все возникающие проблемы. Она вела хозяйство, как когда-то ее мать: ловко и без усилий — вернее, без таких усилий, которые бросались в глаза.

Но, в отличие от своей матери, она творила эти чудеса, не ограничивая себя в расходах. Рубашки Милтона стирались в лучшей прачечной северного Балтимора, хотя та находилась в нескольких милях от ее обычных маршрутов. (Она отвозила их туда, а он получал.) Дважды в неделю к ним приходила уборщица. Свои «знаменитые пышки» Мэдди пекла из полуфабрикатов, морозильник всегда был забит. Для наиболее грандиозных из устраиваемых Шварцами вечеринок она пользовалась услугами банкетных фирм — в частности, это относилось к приему для коллег Милтона по юридической фирме, который они устраивали на Новый год, и к весенней вечеринке, закаченной как-то раз экспромтом и имевшей такой успех, что они почувствовали себя обязанными повторять ее каждый год. Люди были в восторге от весенней вечеринки и говорили о ней потом целый год, предвкушая повторение.

Да, Мэдди Шварц отлично умела принимать гостей и потому делала это с удовольствием. Особенно гордилась тем, что может устроить ужин с гостями, почти не имея времени на подготовку. Даже если тот или иной гость не вызывал у нее энтузиазма, она никогда не брюзжала. Так что Милтон имел полное право удивиться тому недовольному тону, которым она ответила ему на склоне этого октябрьского дня.

— Я думал, ты будешь рада, — сказал он. — Ведь он довольно-таки... ну, знаменит.

Мэдди перестроилась быстро.

— Не обращай внимания. Просто беспокоюсь, что он привык к более изысканным ужинам, чем тот, что я могу приготовить за такое короткое время. Но, возможно,